

ГЛАВА 1

Мужчина, который пытается одновременно угодить и маме, и жене, самый несчастный человек на свете...

— Леонид, где ты? — закричал женский голос.

— Здесь, — ответил хриплый баритон.

— Здесь — это в каком месте?

— У забора.

— Он длинный, огибает весь участок, — орала тетка.

— Я мяту нарезаю, Анна Тимофеевна велела ее посушить.

— Вот здорово! А я об этом просила?

— Нет.

— Что я тебе сказала?

— Сидеть дома.

— Почему?

— От земли можно столбняком заразиться.

— А что ты сделал?

— Пошел на огород.

— Чего ради?

— Анна Тимофеевна отправила меня за мелиссой.

— Вот так всегда. Ты обязан слушаться меня! Меня, слышишь? И более никого!

Я встала из плетеного кресла, взяла пустую чашку и покинула уютную веранду. Очень не хочется слушать чужой скандал, но, к сожалению, соседи, чей участок граничит с тем, где я арендовала не-

большой, но симпатичный коттедж, постоянно выясняют отношения. Вернее, Ирина Петровна, глава семьи Владыкиных, все время «строит» своих домоладцев. Муж, дети и свекровь боятся шагу ступить без ее одобрения. Я живу здесь всего неделю, но уже успела понять: у Ирины Петровны есть глаза на затылке, она замечает абсолютно все вокруг и безжалостно карает ослушников. Вот как сейчас, когда ее муж посмел выполнить просьбу своей матери и вместо того, чтобы оставаться дома по распоряжению супруги, поручил на небольшой огород.

— Что, Виола Ленинидовна, опять соседка выступает? — ухмыльнулась моя домработница Светлана, увидев меня на пороге кухни. — Не женщина, а Чингисхан.

— Строгая особа, — вздохнула я, ставя кружечку в мойку.

Светлана отложила нож, которым чистила картошку.

— Видели на поле развалины?

— Угу, — пробормотала я, жалея о том, что поддавалась на уговоры Ивана Николаевича и согласилась взять помощницу по хозяйству.

Света излишне говорлива. К тому же, начав молоть языком, она не перестает работать руками, а те во время ее болтовни творят черт-те что. Сегодня на завтрак я получила тошнотворно сладкий омлет, потому что домработница выкладывала мне подробности своей личной жизни и вместо соли насыпала в яйца сахарный песок. Причем балаболка не успокоится, пока не доведет повествование до конца. Если же она заметит, что собеседник перестал ее слушать, то начинает его теревить:

— Ой, вам, наверное, неинтересно, я зря время у вас отнимаю?

Услышав этот вопрос впервые, я хотела категорично отрезать: «Да. Не имею ни малейшего желания знать о твоих проблемах. Мне пора садиться за рукопись». Но так и не решилась произнести эту фразу вслух. Когда на Свету в очередной раз нападет желание утопить меня в море ненужных сведений, неизвестно. И как долго продлится ее выступление, тоже не ясно. Одно утешает: Светлана мелет языком с нечеловеческой скоростью и за десять минут успевает вывалить огромный объем информации. Спросите, почему я покорно ее выслушиваю? Ответ прост. Я не всегда была обеспеченной женщиной и успешной писательницей, когда-то тоже мыла полы и хорошо помню, насколько унижительно осознавать, что для людей ты всего лишь, так сказать, ручка от швабры. Мне не хочется обижать Светлану, отсюда и проблемы.

— Развалины на поле — это все, что осталось от Дома тишины, — вещала тем временем трещотка. — Слышали про него?

Я покачала головой.

— Правда? — всплеснула руками домработница. — Сейчас расскажу. Вы садитесь, отдохните, сварю вам кофею. С молочной пенкой, этот, как его, каплеино.

Я покорно опустила на стул. Ладно, пятнадцать минут потраченного впустую времени ничего не изменят. Все равно я никак не могу придумать сюжет для нового романа. Вот попью капучино и поднимусь в кабинет, авось после короткого перерыва в голове появится хоть какая-то идея.

Светлана бешеной белкой бегала между плитой и кухонными шкафчиками, но языком молола еще быстрее.

— Дом тишины — это научный институт, ученые там работали. Знаете, чего они делали? Ракеты стратегические, что ж еще. Каждое утро ровно в девять из Москвы два автобуса с людьми приезжало. Окна у них занавесками закрывались, кто внутри сидит, не видно, а еще с «Икарусами» охрана ехала, впереди и сзади, с автоматами. Караван во двор вкатывался, и ворота захлопывались, местные ни разу пассажиров не видели. Вечером их так же увозили. Зачем столько сложностей, ясно — на оборону они пахали. Главным у них там был Петр Германович Владыкин, а жена его, Антонина Тарасовна, не работала, хозяйство вела, дочку Иру воспитывала.

— Если в Доме тишины соблюдали строжайшую тайну, откуда вы узнали, кто там начальник? — отметила я нестыковку. И тут же рассердилась на себя. Вилка, зачем ты сделала Свете замечание? Попроси побыстрее сварить кофе, выпей его и отправляйся в кабинет.

— Так Владыкины не шифровались! — обрадовалась Света. — Тогда Павлиново было большой деревней, это сейчас от села ничего не осталось. Все местные жители знали, что Петр Германович профессор и он главный в НИИ. Да и как это скрыть? Для его семьи построили два дома, вот этот, который вы сняли, и соседний. Забора между участками тогда не было, земля общей считалась.

Домработница поставила передо мной чашку с капучино.

— Пейте. Я лучше всех варю кофе! Так вот, в начале девяностых в Доме тишины работы свернули. А я, когда в России беспредел начался, уехала в Италию, нанялась через агентство к пожилой паре. Ой, люди такие ужасы про работу прислужкой за рубежом рассказывали! Меня пугали: тебя там

проституткой сделают, обманут, денег не заплатят, в рабыню превратят. Враки! Я много лет прослужила в семье Бартолини. Они уже пожилые были, Фред в инвалидной коляске сидел. Джулия сама за ним ухаживать пыталась — детей-то супруги не имели, помочь было некому, — потом решила сиделку нанять. Так я у них и оказалась. Они меня за дочь считали. Как мне там хорошо было! Кофе варить я в Милане научилась. И макароны правильно тоже. Наши-то дуры их на дуршлаг откинут и холодной водой окатят, чтобы не слиплись, а надо в горяченькие кусок маслица кинуть и размешать, тогда супериссимо получается. Ой, как же здорово было в Милане!

Света закатила глаза.

— Уезжать оттуда не хотелось, но Фред и Джулия умерли. Можно было в другую семью наняться, да мама заболела, пришлось вернуться. Этой весной я ее похоронила, опять с агентством договорилась и в ноябре снова в Милан улечу, уже контракт подписала. А пока, чтоб без дела и без зарплаты не сидеть, к вам прибилась. О чем это я говорила? Ах да! Вернулась я на родину вся из себя разодетая и с деньгами. Фред-то с Джулией мне наследство оставили, низкий им поклон за щедрость. Благодаря им я маму у лучших врачей лечила. А то ведь ей в бесплатной поликлинике говорили: «Умрете через пару месяцев». Но она еще не один год прожила, потому что я мамулю в коммерческий медцентр устроила. Короче, приехала я в Павлиново — и ничего не узнала. Деревни, где я детство провела, нет, ее снесли, а жителей переселили, начали строить коттеджный поселок. Дом тишины развалился, гниет на пустыре. Из прежних жителей только моя мама да Владыкины остались. Наша избенка-покосюха

стояла прямо в лесу, вот к мамуле те, кто дома для богатых возводил, с предложением о переселении и не подкатывали. Да и деревья вырубать нельзя, они лесхозовские. Папа мой, между прочим, лесником был, поэтому жили мы в стороне от всех. А участок Владыкиных на другом конце лесочка, тоже на отшибе.

Я придвинула к себе чашку, а Светлана неслась дальше.

— Мама мне говорила, что вскоре после моего отъезда в Павлиново бардак начался. НИИ закрыли, Петр Германович перестал работать, осел дома. Потом они с Антониной Тарасовной насмерть разругались, но разводиться в загсе не стали. Жена перебралась в маленький домик, Ирка с отцом жить осталась, а моя мама у них полы тогда мыть подрядилась. Потом Ирина заболела, какую-то заразу подцепила. Петр Германович мою маму предупредил: «У дочери инфекция, вам пока не надо к нам ходить, можете заразиться». И название болезни произнес. Слово мудреное, мама его не запомнила, но к профессору ходить временно перестала. Потом Ира выздоровела, только на родительницу свою крепко обиделась за то, что та ее больную не навещала. И Владыкин на жену осерчал. В общем, они перестали общаться. Когда Петр Германович помер, Ирина дом заперла и куда-то подалась. Антонина Тарасовна жила себе тут спокойненько, на соседний участок не ходила. Ну а дальнейшие события уже при мне случились. Пять лет назад, когда мамуля уже не работала, вместо нее я у Владыкиной-старшей убиралась, Ирка в Павлиново вернулась, да не одна — а с близнецами Никитой и Олесей, со свекровью Анной Тимофеевной, мужем Леонидом, его братом Борисом и невесткой Ларисой. Борис потом

умер, чем-то он заболел, а вдова его тут осталась. Антонина Тарасовна как увидела, что дочь опять рядом поселилась, уехала в московскую квартиру. Коттедж она закрыла, велела мне три раза в неделю сюда заходить проверять, не прорвало ли трубу, не протекла ли крыша, деньги аккуратно отдавала. А вот Ирина Петровна моими услугами погнушалась. Я ее один раз из-за забора окликнула, сказала: «Вы меня помните? Я Света, дочка Марии Ивановны, она раньше у Петра Германовича служила. Если хотите, могу вам помогать». Она такую морду соорщила! Правда, ответила вежливенько: «Спасибо, сами справимся». Перед тем как Ирка вернулась, в большой дом прибыли фургоны, из них кучу барахла вытаскивали: мебель какую-то, ящики, коробки. Так мне интересно стало: чего это привезли-то? В доме же все есть, ничего оттуда не увозили.

Светлана на секунду примолкла. И тут же снова затараторила:

— Ой, какие они люди странные! Что дети, что свекровь, что муж Ирины. Я, конечно, в их жизнь не лезу, своих забот хватает, но прямо удивительно, чего они за участок не выходят? Ведь никуда не ездят! Свекровь очень молодо выглядит, старшей сестрой сына своего смотрится. А Лариса... Вышла я как-то утречком, гляжу, вдова Бориса на соседнем участке стоит... с плюшевой игрушкой в руках. Ну, цирк! Взрослая баба, а с мишкой гуляет. Поняли, о ком говорю? У Леонида, мужа Ирины, брат был Борис, он умер, супруга же его, Лариска, осталась у Владыкиной.

— Если вы мало знакомы с Ириной Петровной, то почему так хорошо разбираетесь во всех ее родственниках, по именам их называете? — удивилась я.

— Говорила уже, Антонина Тарасовна, когда съезжала, меня наняла за порядком в коттедже следить, — бесхитростно объяснила Светлана. — Я сюда приходила пыль обмести, котел протопить и прочее. Это только кажется, что в особняке лучше, чем в городе, жить, на самом деле в московской квартире спокойнее. Во всяком случае, самой топить не надо, об этом ДЭЗ подумает. В деревне, даже в современном коттедже, хлопот навалом: зимой крышу почисти, сосульки сбей, снег на территории раскидай, а еще то забор поправь, то гнилое дерево спили... Пока мамочка жива была, я ее с собой сюда брала. Работу выполняю, кофеек сварю, сядем на терраске — благодать. Только расслабимся, Ирина как заорет: «Леонид, ты почему не делаешь то, что я велела? Никита, ступай в дом, простудишься!» Ну и так далее. Не захочешь, а выучишь все имена и сообразишь, кто у них в доме царь-император. Интересно, на какие шиши Владыкины так хорошо живут, а? И вот еще никак в толк не возьму: чего это у Ирки дети нигде не учатся и не работают? Раньше они в школу ездили, но не каждый день, как все. Никите сейчас лет восемнадцать, Олесе столько же, они близнецы, я говорила. Только брат с сестрой не очень похожи. Вы пейте кофеек-то, остынет.

Я машинально отхлебнула капучино, вскочила и бросилась к мойке.

— Не понравился? — расстроилась Светлана.

Я выплюнула невообразимую гадость.

— Отвратительнее ничего в жизни не пробовала. Из чего вы эту дрянь сварили?

— Вон из той баночки, что вы из магазина принесли, порошок черпанула, — объяснила домработница. — Сахарку из коробочки добавила, сливочки взбила. Может, пересластила? Положила четыре ло-

жечки с верхом. Меня так в Милане бармен Джей-коб научил, а он толк в кофе знал!

Я посмотрела на красно-голубую жестянку с надписью «Мука».

— Сахар отсюда брали?

— На буковки внимания не обращайтесь, — захихикала Света. — Песочку много уходит, а крупчатки чуть, я не пеку торты, и вы к плите не подходите. Зачем тогда в доме мука? Банка для сахара.

Откинув крышку, я взяла щепотку белого порошка и попробовала его.

— Это сода!

Домработница обомлела, а я вздохнула:

— Пищевая сода в хозяйстве вещь полезная, но четыре ложечки с верхом на чашку кофе не улучшили его вкус.

— Нет, там сахар, — заспорила Светлана.

Я сунула ей в руки жестянку.

— Проверьте.

— Странно, — забубнила спустя пару мгновений она, — откуда содочка там взялась?

— Кто-то ее туда насыпал, — логично предположила я. — Уверена, не сама она из магазина притопала.

— Нет, — уперлась домработница, — не так.

— Что именно не так? — снова вздохнула я.

Я общаюсь со Светланой всего неделю, но уже успела понять: она не умеет признавать свои ошибки. Если даже конкретно указать ей на косяк, домработница моментально находит массу оправданий, и у меня возникает ощущение, что я — этакая злобная Салтычиха, тиранящая несчастную прислугу, вынужденную горбатиться на меня за гроши.

— Что означает ваше «нет»? — задала я уточняющий вопрос. — «Нет, в коробке не сода»? «Нет, никто не насыпал соду в жестянку»? Или: «Нет, по-

рошок самолично проник в емкость, предназначенную для другого продукта»?

— Нет, — упрямо повторила Света. — В смысле, я отлично помню, что в «Муке» был сахар. Если его там нет, то куда он подевался?

Я стала поднимать крышки остальных коробок.

— Нашла! Песок в «Какао».

— Ну, вообще... — всплеснула руками Светлана. — Кто-то перепутал все запасы.

Я решила заставить домработницу признаться в оплошности и продолжила:

— Можете назвать человека, который забавляется таким образом? В доме нас двое. Я хозяйством не занимаюсь, сегодня впервые заинтересовалась банками. И кто у нас остается среди подозреваемых, а?

— Оно не человек, — прошептала Света и перекрестилась.

— А кто? — опешила я. — Лягушка из сада?

— Скажете тоже, — хихикнула. — Нет! Это Оно.

— Кто? — не отставала я.

Светлана прикрыла рот рукой и прошептала:

— Не скажу.

— Почему? — промурлыкала я. — Очень хочется выяснить, что это за безобразник прибегает к нам в дом и хулиганит.

— Если вы узнаете правду, то мигом отсюда уберетесь, — жалобно заныла моя помощница. — Мне самой страшно... О, смотрите, Иван Николаевич приехал! И с ним посторонние. Бегите скорей, переоденьтесь, вы в халате на чучундру похожи. А я пока гостям кофеек сварю, лучше всех каплечино готовлю.

— Сделайте одолжение, проследите, чтобы таинственное Оно не насыпало в чашки с кофе порошок от блох или, того пуще, не налило туда средство для чистки унитазов, — нежно попросила я и поспешила в спальню.

ГЛАВА 2

Наверное, теперь пора объяснить, почему я, писательница Арина Виолова, оказалась в коттедже, расположенном в ближайшем Подмосковье.

Некоторое время назад судьба свела меня с Иваном Николаевичем Зарецким, очень богатым человеком, страстным почитателем моих книг¹. Бизнесмен стал активно заботиться о популяризации моего творчества, приобрел книжные магазины, диктовал условия Гарику, владельцу издательства «Элефант», имеющему эксклюзивные права на мои романы. Зарецкий решил сделать из меня автора покрупче Милады Смоляковой и задействовал для этой цели свои деньги. А недавно он купил у Гарика «Элефант» вместе со всеми его долгами и портфелем произведений разных авторов. Я оказалась в безвыходном положении — контракт-то у меня подписан на десять лет. Мне никогда и в голову не приходило, что «Элефант» может перейти в другие руки, и я, естественно, не задумывалась о том, как поведет себя новый владелец по отношению ко мне.

Гарик мой близкий приятель. Да, мы с ним иногда ругались, но в целом я вполне была всем довольна. Мне прощали не вовремя сданные рукописи, не заставляли бегать по телерадиопрограммам и постоянно общаться с журналистами. Гонорары мои не поражали размерами, но денег, в принципе, мне хватало. Я взяла в банке ссуду, переехала на новую квартиру, приобрела машину, ездила отдыхать за границу, покупала модные вещи. А потом в мою

---

¹ События, о которых вспоминает Вилка, описаны в книге Дарьи Донцовой «Завещание рождественской утки», издательство «Эксмо».